

Глава 1

Он был хорош. Даже не так... Зверски, чудовищно, непозволительно хорош. Стоило ему звякнуть ножом по бокалу, и опенспейс, временно превращенный в банкетный зал, погрузился в тантрическую тишину. Шелест нарочито потертых джинсов, легкий скрип ножки стула, короткий вдох перед началом речи — ни единый звук не ускользнул от собравшихся. И пусть Томский один сегодня пренебрег вечерним дресс-кодом, никто бы не спутал его с рядовым сотрудником. Есть все-таки мужчины, которым не нужен смокинг, чтобы оставаться альфой.

— Я благодарен вам всем... — Томский улыбнулся, и на его небритых щеках появились озорные ямочки. — Это был тяжелый проект, и я знаю, как горели ваши кресла весь месяц до дедлайна... Ладно-ладно, я знаю, вы сейчас думаете: «Вот урод! Сам же поставил эти дикие сроки!»

Сквозняком пролетел по залу вежливый смешок. Томский лукавил: вряд ли нашелся бы здесь хоть один человек, считающий шефа уродом. Неважно, кто ты — восторженная секретарша, степен-

ная представительница отдела кадров или замшелый кодер, который давно не видел перед собой ничего, кроме бесконечной вереницы символов... Против аксиомы не попрешь. А аксиомой был тот факт, что Ян Томский выглядел как Цукерберг, если бы про него снимали фильм и главную роль поручили Райану Гослингу.

Он все говорил и говорил, но вместо слов Лена слышала лишь шепот прибоя и отдаленные крики чаек. Нет, поблизости не было моря, да и откуда бы ему взяться в центре Москвы? Просто у Лены перед глазами стоял тот снимок из журнала, поставленный ей на заставку смартфона: Томский на палубе яхты сжимает крепкими руками трос и смотрит куда-то в бесконечную соленую даль. Одни говорили, что яхты у Томского нет и в помине и красивая картинка — не более чем фотожаба, другие шептались, будто бы шеф втихаря выводит деньги компании на Мальдивы и готовит себе отходную, Лена же отдалась во власть феромонов.

Вот и сейчас ей казалось, что вместо микрофона Томский держит какой-нибудь шкот, или фал, или как там у яхтсменов положено обзывать веревки, а она, Лена, стоит на палубе рядом с ним и ждет, когда же они останутся совсем одни где-нибудь в нейтральных водах. И тогда он, конечно, подойдет к ней, обхватит за плечи так, что стрелка ее внутреннего компаса завертится волчком. А потом наконец поцелует. Смачно, упруго, будто вгрызаясь в мякоть спелого плода...

— Вам с этой грушей отдельный номер не снять? — безжалостно отрезвил ее насмешливый голос.

Лена моргнула, с ужасом осознав, что прямо здесь, на виду у всех, присосалась к груше, как подросток, который учится целоваться на фруктах. Кажется, даже глаза прикрыла от удовольствия. К счастью, кроме Никиты, позора никто не заметил: все были слишком увлечены речью Томского. И Лена, бросив на соседа по столику короткий стыдливый взгляд, спешно отложила импровизированный тренажер для поцелуев и схватилась за салфетку: липкий сок уже стекал по подбородку на шею.

— Опять представляла Яна? — Никита, судя по всему, задался целью морально ее добить.

— Я?! — на вдохе возмутилась Лена, и очень зря: кусочек растерзанной груши моментально метнулся в гортань и накрепко встал, перекрыв доступ кислорода. Вот и верь после такого, что у растений нет чувств! Иначе как мстью за недавнее надругательство Лена этот грушево-удушающий прием назвать не могла.

Впрочем, теперь она вообще ничего не могла. Вцепившись в горло, подскочила, беспомощно разевая рот. Печально звякнул разбитый бокал, и десятки пар глаз изумленно воззрились на нее. «Имей совесть, — безмолвно корили они. — Ян Олегович произносит речь! Сделай одолжение, помирай тише!»

О, с какой радостью Лена последовала бы этому совету! Не убей ее груша прямо сейчас, она бы тут же затолкала себе в трахею что-нибудь понадежнее, лишь бы унести этот позор в могилу. Но Никита, чтоб его, удружил второй раз за вечер. Вскочил как Джек-потпрыгунчик и наотмашь втащил Лене прямо промеж лопаток. На долю секунды она почувствовала себя ро-

гаткой — так лихо вылетел из нее кусок груши, чтобы приземлиться по центру блюда с закусками.

Лена и не подозревала, что способна издавать такие звуки. В последний раз она слышала нечто подобное, когда пылесос случайно зажевал занавеску, и Лена с боем вытягивала ее из шланга.

— Юля, вы в порядке? — Томский смотрел прямо на нее, и это был уже седьмой раз за все время ее работы в социальной сети «SeeU». О'кей, любовь с первого взгляда они уже проехали, но Лена была глубоко убеждена: каждое новое пересечение взглядов лишь приближает ее к заветной цели. Вот бы он еще запомнил ее имя...

— Лена... — прохрипела она, и мышцы лица скрутило в жалкое подобие улыбки. — Проект «Романтика».

— Ах да! Чуть не забыл. — Ян поднял указательный палец. — Помимо всего прочего, я собрал вас здесь, чтобы сообщить одну сенсационную новость. Но для начала... — И он повернулся к незнакомому Лене бородачу. — Прошу любить и жаловать, господин Русаков, компания «Goomble». Он будет контролировать подготовку к сделке по продаже сервиса «SeeU. Романтика».

Бородач встал, раскланиваясь, и опенспейс утонул в аплодисментах. При этом Лене казалось, что коллеги хлопают не в ладоши, а прямо по ее горящим ушам.

— Какая сделка? Какая продажа? — пробормотала она без надежды быть услышанной.

— Спешу вас заверить, сокращений не будет! — продолжал тем временем Томский. — Сделка состо-

ится через месяц, и полученные средства мы сможем пустить на развитие нового проекта. А пока прошу вас оказать господину Русакову всякую посильную поддержку и подготовить наши человеческие ресурсы, я про пользователей и их данные, к новому хозяину.

— Про барщину и оброк не забудь, — проворчал Кобзев себе под нос.

— Про что? — Лена с тоской посмотрела на шефа: белые отвороты его рубашки так соблазнительно контрастировали с загорелой кожей... Интересно, это солярий или он и вправду не так давно ходил на яхте?

— Нет, это невыносимо! Последние мозги растеряла. — И Никита, бесцеремонно схватив Лену за локоть, потащил ее из-за стола в неизвестном направлении.

— Куда? — только и успела растерянно мяукнуть она.

— Подальше отсюда! — на ходу бросил Кобзев.

Пустые стеклянные лабиринты, похожие на ходы гигантской муравьиной фермы, вызывали легкое головокружение. Мелькали мотивационные постеры на стенах и яркие кресла-мешки; удивленно таращились на Лену лампы на козьих ножках. Опомнилась Фетисова лишь у небольшой офисной кухни.

— Пусти! — буркнула она, выдернув руку.

— Сядь! — парировал Никита и кивком указал на лаймовый диван. Дико модный и фантастически неудобный. — Томский действует на тебя, как глушитель на мобильник. Пока не отойдешь от него метров на десять, с тобой вообще бесполезно разговаривать.

— Ничего подобного... — Лена отвела взгляд и оказалась лицом к лицу с собственным отражением в серебристой кофемашине. И сразу в голове всплыла школьная кличка: Муха.

Единственный комплимент, которого Лена удаивалась на каждой встрече выпускников: «Ты совсем не изменилась!» И тот можно было считать комплиментом с большой натяжкой — в школьном рейтинге красавиц Лена уверенно занимала последнее место. Маленькая курносая девочка в очках и в вечно вытянутых на коленках колготках. Разве что брекетов теперь не было. Да уж, если бы Томский и взял ее с собой на яхту, то исключительно в качестве балласта.

— Он продает наш проект в «Goomble», а ты ему в рот смотришь! — Никита сердито запустил руку в миску с солеными крендельками. — А я давно говорил: надо валить отсюда!

— А зачем им наша «Романтика»? У них свой отличный сервис...

— Вот именно! — Кобзев взглянул на нее как на неразумное дитя, и, подкинув кренделек, лихо поймал его ртом. — И они туда плюхнут полтора миллиона наших уникальных юзеров, поди плохо! И вся моя реклама, все месяцы работы — коту под хвост!

— Но мои алгоритмы подбора пары... Оценка совместимости... Ян же сам говорил, это прорыв...

— Ну вот, а теперь он срубит за это три с половиной миллиона долларов. — Кобзев презрительно фыркнул. — По крайней мере, ходят слухи, что сумма именно такая. Угадай, дадут нам понюхать проценты от сделки или нет?

— Да при чем тут проценты?! — Лена хотела эффектно вскочить, но софа засасывала, как зыбучие пески, и, для того чтобы встать, приходилось как следует поднатужиться. — Это же реально крутой алгоритм! Такого нигде больше нет, и Ян...

— Ян-Ян-Ян, — передразнил Никита. — Он даже имени твоего не знает, а ты про алгоритм.

— Может, поговорить с ним? — Лена с трудом выбралась из лаймовой ловушки. — Если мы запустим бета-версию, протестируем...

— ...то он, конечно, сразу откажется от трех с половиной лямов и сделает тебе предложение, — услужливо продолжил Кобзев. — Послушай, брехня это все про «сокращений не будет». Разгонит нас, даже глазом не моргнет! Не сейчас, так через месяц. Говорю тебе: руки в ноги — и валим! И алгоритм свой припрячь, пока его не интегрировали. Нас с ним в любой соцсети примут с распростертыми объятиями.

— Нас? — моргнула Лена. — Но ты же контекстник...¹

— А кто тебе идею подал?! Еще подруга, называется... — Заросшая физиономия Никиты горестно скривилась, будто напротив Лены стоял не двадцатипятилетний мужик, а не в меру волосатый младенец, у которого отобрали соску.

— Послушай, не надо никуда уходить. Сделки ведь еще не было? — Лена коснулась его плеча. — Мы убедим Томского!

¹ Контекстник — специалист по контекстной рекламе. (Прим. авт.)

— Тебя он даже слушать не станет.

— Хорошо. Давай тогда с нашим проджектом поговорим...

Никита замер с крендельком у рта и воззрился на Лену так, словно в линзах ее очков увидел портал в Нарнию.

— Ты приболела или как? — И Кобзев приложил ладонь к ее лбу. — Ты хоть знаешь, во что тебе это встанет?

Лена вздохнула. Проджект-менеджер сервиса романтических знакомств был самым далеким от романтики человеком, какого только можно себе вообразить. Дмитрий Яковлевич Вайц, этот сухощавый и абсолютно лысый мужчина, ему бы еще костяную корону для полного сходства с Кошеем, казалось, ненавидел весь женский пол уже за сам факт его существования. Три развода истощили не только его банковский счет, но и веру в любовь: девушек Вайц считал алчными, а на отношения смотрел как на заранее убыточное капиталовложение. Как-то Томочка из отдела кадров намекнула Вайцу, что в пятницу вечером совершенно свободна, в особенности если Дмитрий пригласит ее куда-нибудь поужинать. В ответ Вайц смерил кокетку колючим взглядом и изрек: «И во что мне это встанет?» С тех пор эта фраза стала офисным мемом, а Томочка демонстративно завела интрижку с Олегом из сервиса недвижимости.

Лена прекрасно помнила тот день, когда они с Никитой надумали презентовать Вайцу свою идею. «Половинки» — так она называлась.

— Ее алгоритм, — возбужденно распинаялся тогда Кобзев, потому что сама Лена в словесном жанре бы-

ла не сильна, — будет учитывать не только те интересы, которые указывают сами пользователи. Люди часто врут, чтобы казаться более образованными и продвинутыми. Вот, например, путешествия выбирают процентов восемьдесят наших юзеров, при этом многие не выезжали за пределы родного города. А классическая литература? То же самое! Парень прочел в школе «Муму» — и на этом все, но галочку для понтов поставил. Ему пишет девушка-филолог, а он — в каждом слове по три ошибки. Пара не складывается.

— Потому что женщины слишком привередливые, — привычно поморщился Вайц.

— А если мы усовершенствуем систему? Добавим функцию подбора пары? Алгоритм оценит поведение пользователя, проанализирует все посты и фотографии, которые он лайкает, изучит время, в которое он чаще бывает онлайн, я уже молчу про покупки и поисковые запросы... И бац! — Никита вошел в раж и стукнул по столу Вайца. — У нас идеальная пара! Половинки!

Верхняя губа Вайца дернулась вверх, будто кто-то подцепил ее рыболовным крючком, и Дмитрий Яковлевич, прищурившись, взглянул на Фетисову. Лена живо представила себе, как проджект хватает ее за шкурку и швыряет в шахту лифта, сопровождая это громогласным: «Ты подумала, во что мне это встанет?!»

Впрочем, оратор Вайц не стал, просто неодобрительно хмыкнул и добавил:

— Попробуйте.

И Лена попробовала. О, она создала шедевр, который мог бы поднять «SeeU. Романтика» на новый

уровень! Сам Томский похвалил ее тестовую версию! И для чего? Чтобы теперь все досталось безликой корпорации? Да они даже не оценят ее стараний. Пользователи — вот все, что им нужно. Как будто крепостных продают, в самом деле!

Так что да, Лена понимала весь скепсис Никиты. Лишний раз соваться к Вайцу, в это горнило шовинизма и меркантильности, было, без сомнения, идеей рискованной и не шибко умной. Но сейчас в Фетисовой говорил Творец. Да, она не умела работать с резцом и мрамором, но алгоритм «Половинок» казался ей ничуть не хуже «Давида» Микеланджело или «Дискобола» Мирона. Во всяком случае, этот алгоритм мог изменить судьбы многих людей к лучшему. И да, маленький приятный бонус, вписать ее имя в историю. Разумеется, лишь в том случае, если его вообще прикрутят к сервису «SeeU. Романтика». А ради этого Лена готова была покорить вершину Вайца.

— Ладно. — Кобзев безошибочно считал мрачную решимость Лены. — Вперед. Но говорить будешь ты.

Это был удар под дых. Нет, говорить Лена умела, но не слишком красноречиво, а главное — где угодно, только не на публике. Присутствие хотя бы одного человека более высокого социального статуса делало Фетисову зайкой и мямлей, а те несогласованные куцые фразы, которые ей все же удавалось из себя выдавить, могли бы войти в золотой фонд цитат Виталия Кличко.

Никита знал об этом, как никто, но все же подставил под удар, толкнул вперед как пушечное мя-

со. Что ж, Лена верила в кармические бумеранги и не сомневалась: Кобзеву еще прилетит за предательство. В самое темечко прилетит.

Сжав все, что только сжимается, Фетисова направилась обратно в опенспейс, где вся офисная братия кутила по случаю успешного запуска очередного проекта. Радуйтесь, радуйтесь! Еще неизвестно, когда вас толкнут с молотка.

К сожалению, Вайц был уже ангажирован и вел светскую беседу с бородачом Русаковым. При этом Дмитрий Яковлевич улыбался так нежно и заискивающе, как не всякий кавалер улыбается своей любимой. А все потому, что перед ним была не какая-то там очередная фифа, а человек, готовый заплатить компании три с половиной миллиона.

— У нас очень лояльные и активные пользователи, — донесся до Лены голос Вайца. — Бесконечные возможности для рекламы. С учетом последней версии антибота, я могу лично гарантировать: никаких пустых аккаунтов. Скажем так, мертвых душ. — И Вайц усмехнулся собственной шутке.

— Мне нужна будет полная статистическая выкладка. — Бородач был явно не настроен на веселье.

— Разумеется. Мои люди все подготовят, уже к среде вы будете знать о нашем контингенте все. И будьте уверены, они вас не разочаруют. Молодые, по большей части платежеспособные... Самый сок!

Лена отошла обратно к Никите, будучи не в силах слушать, как уплывает из-под носа ее любимый проект, и предпочла вести дальнейшее наблюдение издалека. Вскоре бородач из «Goomble» вернулся за столик Томского, а Дмитрий Яковлевич, оставшись